

Переход

Андрей Яковлевич Тимофеев, капитан теплохода "Зоя Космодемьянская", имел слабость. Из-за этой слабости он уже неоднократно имел неприятности, в последний раз весьма серьезные. Поэтому в этом рейсе он держался. Целых два месяца. Но когда пароход прошел Мальдивы, имея своей целью Одессу, капитан решил, что настало время вспомнить и о себе. Переход длинный, спокойный аж до Суэца, почему бы не расслабиться? Помполит, старый друг и собутыльник, уже совсем с лица спал без водки, одним словом, капитан и помпа заперлись в каюте от любопытных глаз. Наружу не показывались, повар носил им еду и спиртное.

Экипаж мгновенно почувствовал, как ослабли вожжи. Матросы стали уходить на перекур на десять минут раньше, а выходить на работу на десять минут позже. Штурмана притащили на мостик книжки и журналы. В свободное время все стали предаваться тому же пороку, что и капитан, но... капитанские запасы представительских не шли ни в какое сравнение с запасами экипажа.

В тот вечер четвертый помощник Вася Федин отмечал день рождения кошки Марты, "большой умницы", как высказался он. Приглашены были третий помощник Кирилл Кудряшов и радикал* Митя. Пол-литра "Московской" были выпиты слишком быстро, лишь раззадорив аппетит.

— Еще бы, — с сожалением сказал радикал, рассматривая дно своего стакана.

— У кого сейчас газ есть? — уныло ответил четвертый.

— Может, к дяде** сходить? — неуверенно предложил Кирилл.

Никто ему не ответил, потому что предложение было глупым, и помощник сам знал это.

— Ладно, будем расходиться, — сказал Вася.

— Нет, — замотал головой Кирилл, — мы достанем, вот увидите.

— Да где же ее достать, если вчера дракон*** по всему судну бегал и не нашел? — засмеялся радикал.

— Говорю тебе, достанем, — нахмурился помощник, — подумать только нужно.

* Радик — радист.

** Дядя — капитан.

*** Дракон — боцман.

Он сел ровнее, нахмурился, всем своим видом показывая, что предаётся размышлениям. Вася и радик лениво переговаривались вполголоса, даже не делая попыток поразмыслить. К чему? Водки на судне нет, они это знали точно. А если и есть, то не дадут, берегут для себя.

— Эврика! — вдруг воскликнул третий.

Радик и Вася, как по команде, обернулись.

— Док, — поднял палец помощник.

Предложение встретили скептически.

— Не даст, — покачал головой радик. — Он за спирт больше чем за скальпель дрожит.

— Согласен, — поддакнул четвертый.

— Даст, — категорически сказал Кирилл. — Я ему вчера две списанные карты дал. Даст.

Не слушая возражений о том, что доктор спирт не выдает, помощник вышел за дверь. Конечно, Кирилл и сам понимал, что его шансы более чем призрачны, но человек пьяный и человек трезвый не могут, строго говоря, рассматриваться как одно лицо, хотя паспорт у них один.

Итак, Кирилл поднялся на палубу вверх и постучался в каюту доктора. Лившиц Борис Петрович открыл секунд через двадцать, загородил могучим телом проход, не пуская помощника. По его лицу было видно, что гость не вовремя.

— Боря, — прижимая руки к груди, сказал Кирилл, — сто грамм спирта, во как нужны!

— Не дам, — спокойно ответил доктор.

— Гирокомпас гибнет, мне нужно.

— Не дам, — повторил доктор и сделал попытку закрыть дверь.

— Человек ты или нет? — помощник втиснул в щель носок ботинка.

— Не дам, — в третий раз повторил доктор, толкнул Кирилла и закрыл дверь.

— Ах, вот вы какие, — мстительно сказал Кирилл, — ну погоди же.

Впрочем, доктор был боксер-разрядник, поэтому снова стучаться помощник поостерегся. Он крикнул в закрытую дверь:

— Козел! — и с оскорбленным видом пошел обратно.

Собутыльники встретили его понимающими возгласами:

— Не дал?

— Я же говорил!

— А я ему две карты вчера дал, — шмыгал носом Кирилл. — Собака в халате.

На утренней смене вахт Вася с удивлением заметил, что хмурый Кирилл никак не может успокоиться.

— Чего ты? — удивленно спросил он. — Не дал и не дал, х... с ним.

— Нет, — покачал головой помощник, — он мне в душу плюнул. Я к нему как к человеку, а он...

Дальше он разразился целой речью на пять минут. Смысл ее сводился все к тому же: к доктору пришли за помощью, а он страждущего кулаком в грудь, хотя и давал клятву Гиппократу.

— Так что же ты делать будешь? — удивленно спросил Вася.

— Пока не знаю, — вздохнул Кирилл. — Понаблюдаю — слава богу, каюта рядом. Один бог без греха, что-то высмотрю.

Наблюдения дали свой результат. Уже на третий день Кирилл поманил Васю пальцем и, задыхаясь от смеха, сказал:

— Зинка вчера ночью к доку заходила.

— Может, за лекарством? — засомневался четвертый.

— Сорок минут?!

— Ну, процедуры...

— Я у двери послушал, стонали будь здоров.

Вася задумался. Буфетчица Зина слыла неприступной твердыней. На все попытки ухажеров она вскидывала вверх свой и без того вздернутый носик и говорила:

— Я в море мужа искать пришла, а не кобеля, геть!

Но с другой стороны, какие у него основания сомневаться в информации Кирилла?

— И что ты думаешь делать?

— А вот что, — Кирилл снова задохнулся смехом. — Сегодня она к нему придет, а я их сфоткаю. Ты спустишь меня с палубы, и я через иллюминатор — шелк!

— Здорово, — потер ладошками Вася, — придумано здорово.

Ночью после двенадцати друзья собрались в каюте Кирилла. Время тянулось нестерпимо медленно.

— Может, она раньше была? — тихо спросил четвертый.

— Побоятся, — прошептал Кирилл.

Наконец в коридоре послышались шаркающие шаги. Друзья припали к филенке.

— Она, — прошептал Кирилл, — оранжевый халат.

Легкий стук, скрип двери, щелчок задвижки.

— Все, — вскочил Кирилл, — побежали наверх!

Предприятие заговорщики затеяли рискованное. С палубы капов* Вася должен был, держа Кирилла за ноги, спустить друга вниз, пока его голова не достигнет уровня иллюминатора доктора. Но Кирилл весил всего шестьдесят кило, а Вася был парень крепкий, это сильно облегчало задачу. Итак, четвертый помощник обхватил ноги Кирилла, и тело помощника змеей скользнуло вниз.

— Ну как? — тихо спросил Вася.

— Еще чуть вниз, — ответил снизу приглушенный голос.

— А сейчас?

— Порядок, — хихикнул помощник. — Как на ладони. Док сверху, умора. Сейчас я их... Черт, качает.

Вспыхнула вспышка "Зенита", раз, другой, третий...

В каюте у доктора царил полумрак. Зина лежала и думала о том, как ей повезло: нашелся таки человек, который женится на ней, и при этом он сам такой сильный, красивый. Не матрос какой-нибудь... Что это сверкает, бьет в глаза? Буфетчица всмотрелась в стекло иллюминатора и...

— Костя!! — завизжала она.

Доктор вскочил, заметался по каюте, потом подскочил к иллюминатору и начал отвинчивать барашки креплений.

— Тяни! — закричал вверх Кирилл.

Вася напрягся и к своему ужасу обнаружил, что не может поднять друга, устали мышцы. Он сделал еще одну попытку... с таким же успехом. Доктор тем временем открыл иллюминатор.

— Тяни!! — еще раз завопил Кирилл.

Четвертый напрягся, но тело помощника не пошло вверх ни на сантиметр.

Секунду помощник и доктор смотрели друг на друга, потом раз — и фотоаппарат вырвался из рук Кирилла и, пролетев через всю каюту, ударился о переборку. Два — кулак доктора ударил помощника в скулу.

— Тяни! — жалобно крикнул Кирилл.

Вася застонал, пытаясь втащить такое легкое когда-то тело, но теперь оно, казалось, весило целую тонну. Тем временем доктор вспомнил боксерское прошлое и принялся работать с головой помощника, как с грушей. Бац, бац — стучал кулак, раз, раз — голова Кирилла равномерно качалась из стороны в сторону.

— Левую руку резче выбрасывай! — вспомнил "боксер" замечание учителя.

* Капы — выход вентиляции из машинного отделения.

Наконец доктор решил, что с юного папарацци хватит и, потрепав его за нос, захлопнул иллюминатор.

— Вася! — жалобно заплакал Кирилл.

Четвертый сам чуть не рыдал, потому что чувствовал, что еще чуть-чуть, и он выпустит друга. Но что он мог сделать?

— Не могу, — просипел он.

Кирилл посмотрел вниз. Ему казалось, что вода все ближе и ближе, уже чудились среди волн зловещие ухмылки акул... О том же подумал и четвертый.

— Аааа! — закричал Вася.

Он вцепился в спортивные штаны друга зубами, словно собака, и отчаянным рывком потянул вверх. И о чудо! — тело помощника поползло вверх. С каждым мгновением четвертому становилось все легче. Вот уже и колени перетащил через леер*, вот и торс.

Кирилл сел на палубу, ошарашено оглядываясь, рядом упал обессиленный Вася. Лицо у третьего помощника горело от побоев, а сердце жаждало мести. Он понимал, что фотоаппарат с компрометирующими снимками пропал, но главный компромат еще в каюте. Вбежать, ворваться, поднять шум, пока буфетчица не ушла. Кирилл бросился в надстройку, не слушая удивленных криков друга.

Но доктор боксер, можно получить нокаут и очнуться утром. Следовало действовать наверняка. Необходимо вырубить дока первым, а потом скандалить. Ярко-красный огнетушитель на стене привлек внимание помощника. Отлично. Взяв железное орудие на манер тарана, Кирилл выжидающе встал у двери доктора. Из каюты доносились шепот, торопливый шорох одежды, всхлипывания. Отлично! Сейчас доктор высунет свою голову наружу и...

Дверь скрипнула, помощник напрягся, в проеме показалась голова, огнетушитель понесся вперед, набирая скорость... Слишком поздно увидел Кирилл длинные черные волосы, слишком поздно мелькнул в проеме оранжевый халатик. Как назло, удар был рассчитан исключительно точно и нанесен очень сильно.

Красная болванка въехала в лоб буфетчицы чуть повыше переносицы. Зина ойкнула и влетела обратно в каюту. Дверь по инерции закрылась. Послышался стук падающего тела.

— Мама, — испуганно сказал помощник.

* Леер — перила ограждения.

Со злости он швырнул огнетушитель дальше в коридор. Красный болван загрохотал по палубе, а потом выпустил в воздух клуб грязного порошка.

— Да что тут у вас творится? — из смежной каюты выглянуло заспанное лицо третьего механика.

— Ммм... — забормотал Кирилл.

В этот момент дверь докторской каюты распахнулась, и оттуда вышел разъяренный хозяин.

— Ну, су...!

— Мужики, дайте спать! — в коридор вышел четвертый механик.

Доктор мгновенно успокоился, а глазам собравшихся предстало следующее зрелище: неподвижная Зина в распахнутом халате посреди каюты. Все ясно: доктор хотел изнасиловать Зину, а Кирилл вступился.

— Полегче! — закричал доктор и указал на огнетушитель и фотоаппарат.

Все ясно: Кирилл приревновал Зину и треснул ее огнетушителем.

— Чего, чего?! — завопил помощник и указал на свое битое лицо.

Дело оказалось непростым, принялись разбираться, когда снаружи к месту происшествия прибежал запыхавшийся Вася. Взглянул на бездыханное тело, побледнел и прошептал:

— Так вы убили ее...

Все замерли, не желая верить. Доктор на ватных ногах опустился рядом с девушкой и взял ее запястье.

— Пульса нет, — испуганно пробормотал он.

Уже потом нащупался и пульс, и сама Зина пришла в себя. А тогда, в первые минуты, все от ужаса не знали, что делать. И Кирилл, бессильно опустившийся на палубу, и доктор, сидевший, как паралитик. Даже помполит, который всякого повидал, почувствовал, что мир перевернулся, когда к нему в каюту ворвался четвертый помощник и заорал:

— Зинку зарезали!

Под утро постаревшие на пять лет капитан и помполит подводили невеселые итоги.

— Вот тебе и спокойный переход. За такое страшно подумать, что будет, — пробормотал Андрей Яковлевич и поскреб давно не бритый подбородок.

— Выговором не отделаешься, — согласился помполит.

— А понижение в должности не хочешь?! — язвительно сказал капитан.

— А может, не поднимать шума, замять? — предложил помполит.

— Это как?

— А так. Все равно, если откроется, костей не собрать, так лучше замять. Не было ничего.

— Так все уже всё знают, наступчат.

— Знают пока два механика. Нормальные ребята, не стучат. Я с ними поговорю, думаю, все будет в порядке. Что касается прочих участников, то им эта история дорого обойдется. Поэтому замять в их же интересах.

— А Зина?

— А что Зина? У нее тоже не все гладко: аморальное поведение, бытовуха. Конечно, нужно ее как-то задобрить, ну, это дело техники. Так что, замнем?

Капитан подумал и махнул рукой: замнем.

И наверное, удалось бы, но все дело испортил доктор. Не хватило у человека выдержки. Он же обещал Зине жениться. А сам, когда прошли Босфор, возьми и брякни:

— Мало ли кто что кому обещал, не помню.

Зина в слезы, а он повернулся — и в каюту. Буфетчица ночь не спала, а наутро накрыла на завтрак и пошла на корму.

— Эй, Митрич! — крикнула она через иллюминатор повару. — Попрошаться хочу.

— Успеется, — отмахнулся повар, переворачивая яичницу, — будет время...

Договорить он не успел, потому что буфетчица неуклюже перелезла через леер и прыгнула за борт. Естественно, шлюпочная тревога, поворот Вильсона*, шлюпку на воду. И это на рейде Одессы! Незадачливую Каренину, мокрую, жалкую, с рогом на переносице, вытащили, но на причале судно уже ждала комиссия, точнее, две комиссии.

Все члены экипажа писали объяснительные, кто что знает. Как оказалось, многие знали не просто все, а даже то, чего не было. Итоги разбирательства были неутешительны: капитану — выговор с предупреждением и закрыть визу на год. Через полгода ушел на "Карле Либкнехте". Старшему помощнику — выговор с занесением (за компанию). Третьему помощнику — выговор с предупреждением и закрыть визу. Через три месяца ушел в рейс. Четвертому помощнику — выговор с предупреждением. Доктору — выговор с предупреждением и закрыть визу. Ребята встречали, плавают. Буфетчице — закрыть визу. Зина — единственная, кого отлучили от моря.

* Поворот Вильсона — маневр, применяемый судном при спасении утопающего.

Помполиту... помполит оказался стреляным воробьем, и как судно ошвартовалось, слег с "сердечным приступом". Отделался выговором. Таким образом, единственным, кто реально пострадал, оказалась Зина. Но это правильно, ибо недаром говорят французы: *cherchez la femme*, что по смыслу значит: во всем виновата женщина!

